

---

ДИСКУССИЯ

---

## О ТАК НАЗЫВАЕМОМ СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ В ПСИХОЛОГИИ

© 2010 г. С. М. Морозов

*Кандидат психологических наук, профессор, МГППУ;  
e-mail: stanmor@yandex.ru*

Автор рассматривает тенденцию преобразования психологической науки в соответствии с методологическими принципами классического естествознания. Психология из науки, пытавшейся создать условия для саморазвития личности, стала превращаться в отрасль естествознания, цель которой – “экономическая эффективность” как индикатор повышения производительности жизнедеятельности человека. В итоге психология XX в., как и естествознание в целом, оказалась в состоянии кризиса, выход из которого – интеграция гуманитарных и естественнонаучных представлений о предмете и методе на базе методологических принципов, продуцируемых гуманитарными (в первую очередь, психологическими) исследованиями.

*Ключевые слова:* психология, естествознание, предмет, метод, наука, кризис, парадигма.

По Т. Куну [15], изменение научной парадигмы начинается с появления “головоломки”, которую никак не может решить научное сообщество. Вслед за этим возникает большое количество теоретических вариантов, а исследования все больше проводятся в соответствии с теми методологическими принципами, которые конкурировали с основной теорией предшествующего периода. Возникают гипотезы, предвосхищающие решение проблем. Некоторое время они игнорируются научным сообществом, но постепенно оно начинает осознавать наличие аномалии, которая не может быть преодолена в рамках существующей парадигмы. Это и служит индикатором кризисного состояния, которое обычно преодолевается одним из трех способов: 1) в рамках предыдущей научной парадигмы находятся возможности преодолеть возникшую аномалию; 2) решение проблем откладывается “на потом”, 3) зарождается новая научная парадигма и начинается долгая (как говорит Кун, “некумулятивная”, не связанная с прямолинейным расширением предыдущей парадигмы) борьба за ее внедрение. Сам период переосмысления научных основ в ходе кризиса науки является скорее прерогативой психологов, чем историков, замечает Кун. Когда же кризис осознается научным сообществом, оно, не испытывая особой любви к философствованию, обращается тем не менее к философскому осмыслению возникших противоречий.

“Головоломки”, с которыми столкнулись психологи, превратили психологическую науку

“в развалины Трои”, с которыми образно сравнивал психологию конца XIX в. Н.Н. Ланге. По мнению А.Г. Асмолова [1], сегодня ситуация изменилась. В психологии XX в. возникли свои “города, психологические страны, материка”. Однако и современная психология находится в ситуации, передаваемой формулой “пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что”.

Надо сказать, что превращение психологии из науки о душе в науку без души само по себе представляется довольно серьезным революционным преобразованием, и остается лишь удивляться отсутствию интереса у историков и методологов к этому этапу развития психологической науки. Но, так или иначе, можно сказать, что основная аномалия, с которой столкнулась психология XIX в., – это ее расщепленность на понимающую (гуманитарную) и объяснительную (естественнонаучную) ветви. Психологи оказались на перепутье, и большинство отдало предпочтение революционной дороге естествознания. Их-то и стали называть психологами, а совокупность процедур, посредством которых они проводили свои исследования, получила статус (выражаясь языком Т. Куна) “нормальной” науки. Главной задачей психологов прошлого столетия стало преодоление этого расщепления (как правило, путем редукции психологии к одному из названных направлений). Вместе с тем некумулятивный характер развития науки привел к тому, что, хотя две названные формы психологии возникли практически одно-

временно, понимающая психология стала тем антитезисом, из которого сегодня появляются ростки новой парадигмы. Сейчас можно определенно утверждать, что психология не смогла справиться с возникшей аномалией, настало время принять неизбежность перехода психологической науки в новое состояние, и в этом смысле можно говорить о пребывании психологии в кризисном положении.

Психологи, продолжая поиски причин кризиса, находят их во внеположности мира человеку [12]; в отсутствии адекватного метода психологии [22] (в частности, в применении метода интроспекции [9]) и адекватного понимания предмета психологии [17] и т.д. и т.п. Более того, существует мнение, в соответствии с которым психология пережила несколько кризисных периодов [4]. Логическую точку пытался поставить Ф.Е. Василюк, предложивший считать состояние современной психологии “схизисом” [3]. Однако это предложение не помешало психологическому сообществу постоянно возвращаться к любимой теме, получившей новый импульс: теперь стало можно по отдельности обсуждать кризис в академической и прикладной психологии. Кризис продолжается, и призывы перейти к “плюрализму методологий” [14, 29] не помогают преодолеть его.

При обобщении многочисленных точек зрения становится ясно, что основные признаки кризиса обычно сводятся к проблемам предмета и метода. Однако если обратить более пристальное внимание на истоки и причины кризисного состояния психологической науки, то выводы окажутся не столь однозначными.

В своей статье 1931 г. К. Левин высказал мнение, в соответствии с которым причины кризиса в психологии заключаются в недостаточно быстром переходе на рельсы естествознания (см. [16]). Эту проблему он обозначил как конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления. С точки зрения Левина, психология находится под влиянием подхода к изучению окружающей нас реальности, который был характерен для аристотелизма. В нем превалирует “историко-географический принцип”, т.е. изучение явлений в привязке к временным и пространственным характеристикам. Отсюда следствие, характерное для аристотелевского способа мышления: главным фактором здесь является частота встречаемости того или иного явления, а значит, единичное событие отбрасывается, рассматриваясь как артефакт, не заслуживающий научного анализа.

Наоборот, для естествознания со времен Галилея характерным является стремление выйти за

пределы непосредственного окружения изучаемого события. Левин пишет: “Галилеевские понятия разделили неразделимые до этого вопросы исторического течения событий, с одной стороны, и законы событий – с другой. При систематизации проблем они отказались от прямых ссылок на историко-географические данные” [там же, с. 93]. Факт естествознания – это такое явление, которое не может быть понято с точки зрения его рассмотрения здесь и сейчас. Подходить к явлению с позиций галилеевского способа мышления, по Левину, значит, пытаться найти то общее, что определяет и падение камня, и полет птицы. А для этого надо отвлечься от конкретной ситуации, в которой происходит данное явление.

Но отвлечься от ситуации по-галилеевски вовсе не означает забыть о ней. При оценке той или иной научной стратегии важен не контекст сам по себе, а понимание того, что при проведении психологического исследования необходимо отвлечься от контекста, который дан нам непосредственно в форме здесь и сейчас наблюдаемых явлений. Это контекст, который Левин называет “фенотипическим”. Однако вместе с таким контекстным окружением исследуемый объект обязательно включает в себя влияние характеристик, которые здесь и теперь ненаблюдаемы, но влияют на особенности функционирования наблюдаемого предмета, – это каузально-динамические характеристики предмета исследования. Для аристотелевского подхода характерно полное невнимание к такому контексту: здесь только подсчитываются и статистически усредняются явления, составляющие фенотипическую сторону предмета. Для современного же естествознания, считает Левин, характерно отношение к факту как к совокупности условий, в которых существует исследуемое явление. Именно то, что современная физика помнит о существовании законов движения тел, позволяет ей подходить к наблюдаемым объектам как целостным ситуациям, которые рассматриваются исследователем в “каузально-динамическом” контексте окружающих предметов и явлений. Именно благодаря такому отношению к фактам современный физик может осуществлять поиск методов, которые позволяют отвлечься от всех фенотипических составляющих, выделить сами изучаемые явления, установить (и математически описать) общий закон, определяющий тот или иной их класс. Согласно этой точке зрения, наилучшим методом является эксперимент.

Однако, говоря о смене парадигм, Левин оставил за пределами своего внимания важнейший фактор, определявший развитие естествознания в XIX в., – философию позитивизма, в соответствии

с которой предметом научного познания являются чувственно-воспринимаемые объекты. Основным догматом естествознания стало не просто абстрагирование того или иного параметра, характерного для изучаемой закономерности, а попытка его конкретизации в ходе своеобразного соотношения с чувственно-воспринимаемыми характеристиками изучаемого предмета. Так, закон всемирного тяготения – это для нас не просто некоторая абстрактная закономерность, ей подчиняются конкретные, чувственно-воспринимаемые объекты: и небесные тела, и окружающие нас организмы, и мы сами.

Такая конкретизация абстракций не могла не сказаться на особенностях психологического экспериментирования. Действительно, существует стойкое заблуждение, бытующее не только в обыденном сознании, но и в научном сообществе, что эксперимент – это способ конкретизации той или иной абстракции. Например, если психолог хочет изучать психику, то ему необходимо посредством операционализации конкретизировать предмет исследования, “очистив” соответствующую переменную и измерив ее состояния после проведения ряда контролируемых воздействий. Таким образом, считается, что некий абстрактный предмет преобразовался в нечто конкретное и поэтому достоверное. Более того, многие психологи, главным образом работающие в сфере прикладной и экспериментальной психологии, позиционировали эксперимент в качестве критерия истинности психологической теории, подвергая свою науку серьезной опасности утраты всяких ориентиров для проверки своей адекватности. Это относится как к прикладной психологии, так и к экспериментальной проверке теоретико-психологических конструкций.

Не вдаваясь в подробности соотношения абстрактности экспериментальных данных и конкретности предмета психологического исследования, мы лишь подчеркнем, что нет ничего более абстрактного, чем эксперимент. Говоря словами Ф.Е. Василюка, “если бы дано было им просить невозможного, Павлов попросил бы очищенный от тела, но (!) нормально функционирующий мозг, Скиннер попросил бы очищенную от предметных сил среду, в которой, тем не менее (!), животное могло бы осуществлять движения” [3, с. 139]. Эксперимент, безапелляционно перенесенный из естествознания в психологию, был задуман именно как способ абстрагирования от конкретных влияний жизни.

Следует сказать, что экспериментальное абстрагирование представляло собой неизбежное

выделение в изучаемом предмете того или иного свойства, аспекта, атрибута. Так, и лист, сорванный с дерева, и камешек, обладающие одинаковой массой и сброшенные с высоты, упали бы на землю одновременно, если бы не тот самый контекст, о котором говорит К. Левин. Но именно невозможность исключения каузально-динамического контекста приводит понятие “масса” к идеализации. Это понятие обозначает свойство, невозможное для чувственно-наблюдаемых предметов. При этом удивительно не то, что в естествознании стали возможны невозможные явления, странные с точки зрения здравого смысла, опирающегося на чувственное восприятие, а то, что понятия, обозначающие эти свойства, некоторое время были вполне жизне- и работоспособными.

Таким образом, использование эксперимента поставило естествознание перед необходимостью расчленения предмета исследования и его описания с помощью чувственных характеристик. Для такого описания, разумеется, необходимо применение определенного познавательного аппарата. Со времен Галилея таковым стал освобожденный от страстей разум. Этот аппарат, располагавшийся, по замыслу естествоиспытателей, вне вещи, создавал обобщения, которые становились все более и более сложными (“глубокими”). В конечном итоге должна была получиться рационализированная “вещь-в-себе”, т.е. абсолютная вещь как полное описание ее свойств и качеств.

Повсеместное внедрение эксперимента, принятого чуть ли не за единственный способ исследования, оказало на психологию разрушительное воздействие. Призывы преодолеть кризис в психологии хронологически совпали с первыми попытками осмыслить итоги проникновения в нее экспериментальных методик. На наш взгляд, здесь нельзя говорить о простом совпадении. Эксперимент возник в естественных науках как способ изучения “внешних” объектов и явлений посредством их физического или теоретического разделения. Обе названные характеристики эксперимента – изучение “внешнего” (т.е. чувственно-воспринимаемого) предмета и его разделение, выделение в нем отдельных частей – вступили в противоречие с основными психологическими постулатами.

Психологи привыкли называть свой предмет целостным. Но именно следствием внедрения в “тело” психологии экспериментальных методик стали попытки разделения предмета исследования на составные элементы, психологический “гносеологизм” (Н.А. Бердяев). Попытка провести такой анализ психического, который позволил

бы выявить “элементарные частицы” психики, привела к “исчезновению” целостного предмета психологического исследования. Подобный подход ускорил разбиение психологического предмета на отдельные составляющие (элементы), функции, и каждая психологическая школа занялась изучением своего особого элемента, который был слабо связан или вовсе не связан с системой психологических знаний. Появились психологические школы, изучающие только восприятие, только память, только мышление и т.д. В итоге психология пришла к построению “гносеологического человека”, следствием чего стало, в частности, возникновение во второй половине XX в. множества когнитивных “моделей” переработки информации. Забыты, возможно, и не были восприняты слова Э. Гуссерля: «“Точная” психология как аналог физики абсурдна (и, стало быть, абсурден дуалистический параллелизм реальностей, методов, наук). Поэтому больше не может уже существовать и описательная психология, которая строилась бы по аналогии с описательным естествознанием. Наука о душе никоим образом не может ориентироваться по науке о природе, не может искать у нее методического совета, в том числе и в отношении схемы “описание и объяснение”. Она может ориентироваться только по своей теме, коль скоро она прояснила ее самое в ее собственной сущности» [10, с. 296].

\* \* \*

Естественнонаучная парадигма, направленная на исследование объективированных форм духа, полностью победила в психологии к концу XIX в. Так, учредителями Московского психологического общества, созданного в 1884 г., стали три филолога, четыре биолога, два врача, два правоведа, математик, социолог и экономист. Среди учредителей всего лишь один – М.М. Троицкий – действительно имел отношение к духовной деятельности человека [11, с. 478]. И дело здесь не в том, *кто* по специальности учредители Психологического общества, а в том, что поиск философско-методологической основы психических явлений шел где угодно: в социуме, в организме, в языке – только не в духе. Изучались проявления предмета, а не сам предмет. И не просто проявления, а лишь те из них, которые можно было чувственно воспринять и рационально интерпретировать. Психологическая же реальность чувственности упорно не подчинялась рационализированию.

Многообразные психологические школы пытались сформулировать свой подход, создавая все новые и новые определения предмета психологии. Таковым называлась и душа, и психика, и

сознание, и поведение, и деятельность, и образ, и личность, и т.д. Но в основе всего этого многообразия лежал один-единственный постулат: предмет психологии должен найти проявление в своей чувственной данности. Отсюда и попытки найти физические корреляты сознания гештальтистами, и отказ от сознания в бихевиоризме, и стремление увидеть психику в предметном действии некоторых представителей деятельностного подхода. Даже ассоциативный эксперимент в психоанализе и попытки интроспекционизма внести в психологию естественнонаучную экспериментатику – все это отголоски общей направленности исследователей на поиски чувственно-данных проявлений предмета психологии. Бихевиористы, гештальт-психологи, даже интроспекционисты – все они стремились создать свою психологию по образцу естествознания. Научная психология стала восприниматься как ветвь познания, попытавшаяся перенести в арсенал своих методов способы получения знаний, характерные для естественных наук.

Сегодня приоритет естественнонаучной парадигмы не кажется столь безоговорочным. Более того, именно безоговорочность признания этого приоритета и представляется нам существенным фактором, вызвавшим так называемый кризис психологической науки. При этом вызывает удивление один очевидный факт, который почему-то не привлекает внимания психологического сообщества: кризис психологии хронологически совпадает с кризисом естествознания в целом. На это обратил внимание еще С.Л. Рубинштейн, называвший кризис психологии по существу методологическим, философским кризисом, который распространился на целый ряд наук – вплоть до основ математики [24]. Однако эта оценка не вызвала интереса психологического сообщества. Если этот факт все же принять во внимание, то неизбежно возникает мысль: кризис психологии нельзя рассматривать в отрыве от состояния дел в других науках. Так называемые кризисные явления обсуждаются не только в психологии. Не менее остро они заявляют о себе и в естествознании.

В течение столетий естествознание воспринимало свой предмет как нечто объективно существующее. Он располагался перед взором исследователя, который, словно живописец, писал портрет научной картины мира, перенося на свое полотно открывающуюся перед ним природу. Но в конце XIX – начале XX в. исследователи природы пришли к выводу о том, что материя “исчезает”: атом оказался не минимальной частицей, входящей в основу материального мира, а макромиром, состоящим из неисчислимого множества

микроэлементов. Вслед за тем выяснилось, что состояние наблюдаемых физиками микрочастиц подвергается влиянию позиции наблюдателя-экспериментатора. Современное естествознание упорно продвигается в направлении признания роли “человеческого фактора” в исследованиях чувственной реальности. Взоры естествоиспытателей обращаются к восточным учениям. По мнению Фритьофа Капра – автора книги “Дао физики”, чем глубже мы проникаем в субмикромир, тем больше убеждаемся в том, что современный физик, как и восточный мистик, должен рассматривать мир как систему, состоящую из неделимых, взаимодействующих и пребывающих в непрестанном движении компонентов, причем неотъемлемой частью этой системы является и сам наблюдатель [13].

Например, в атомной физике уже не говорится о свойствах объекта как таковых. Они имеют значение только в контексте взаимодействия объекта с наблюдателем: эти свойства даны наблюдателю только в той степени, в какой он умеет задавать природе свои вопросы [8]. Наблюдатель решает, каким образом он будет осуществлять измерения, и в зависимости от его решения определяются характеристики наблюдаемого объекта. Если эксперимент проводится по-другому, то они изменяются. Основной чертой современной физики является то, что человек-исследователь необходим не только для того, чтобы наблюдать свойства объекта, но и для того, чтобы дать им определение.

Перед исследователями стала проблема “двух логик” (как ее сформулировал В.С. Библер [2]). Без обоснования логических начал собственного мышления естествоиспытатель не может логически выстроить предмет своего исследования. Осознав это, метафизики (в аристотелевском, а не марковом понимании этого термина) обратили свой взор к разуму в попытках понять, что он собой представляет. В итоге начало формироваться понимание того, что наука должна отказаться от так называемой “компьютерной метафоры” и предпринять попытку рассмотреть сознание человека не только как отдельно взятую разумную составляющую, но как целостный процесс переживания взаимодействия человека с окружающим миром. Именно этот наполненный неформализуемыми обертонами поток сознания и представляет незримый порог, который готовится преодолеть современная наука. Обращаясь к психологической феноменологии, естествознание начинает осознавать несводимость предмета научного (в том числе естественнонаучного) исследования к чувственно-воспринимаемому “вещам”, пропущенным через “сепаратор” разума.

Для того чтобы наметившаяся интеграция естествознания и психологии продолжалась, психологам необходимо конкретизировать свое отношение к естествознанию, к тому, что оно собой представляет. Новое понимание естествознания должно быть построено на базе нового (естественнонаучного) понимания психологами предмета своего исследования, когда этот предмет интерпретируется как органическая система, построение которой опосредовано психологической системой самого исследователя. Задача психологии – предложить классическому естествознанию новое видение предметной области, где “...сознание испытуемого и экспериментатора как две открытые друг по отношению к другу системы вступают в реальный и неформализуемый диалог” [23, с. 124], а сама естественнонаучная парадигма рассматривается как диалог с природой, неотъемлемой частью которого является экспериментальный диалог [21]. Тогда при помощи психологии, гуманитарного подхода в целом представитель любой науки сможет наконец осознать, что его теория – не списывание и не описывание предмета, но построение предмета исследования при помощи теоретических конструктов, создаваемых психологической системой во всей ее целостности.

Такая интерпретация предмета психологии не является чем-то кардинально новым – она позволяет интерпретировать предмет культурно-исторической психологии как органическую систему (см. [19]) или называть Ф. Ницше “натуралистом в том смысле, что он все время пытался найти связь между каждым выражением жизни и более широким контекстом всей природы” [20, с. 135]. Это, наконец, такой взгляд, когда даже высшие проявления человеческого духа относятся к разряду “естественных” в том смысле, что рассматриваются как итог развития бытия, процессов, происходящих в природе. Именно это имел в виду Гегель, говоря о духе как о снятой природе, а марксисты – о “естественно-историческом” процессе.

\* \* \*

Как мы уже говорили, в качестве философско-методологической основы естествоиспытатели позапрошлого столетия безоговорочно приняли позитивизм с его догматом: наука должна заниматься чувственно-воспринимаемыми предметами. Именно эти принципы сциентизма были механически перенесены в психологию и стали методологической базой ее научного ответвления. Но если науку не ограничивать сциентистскими определениями и признать одной из форм позна-

вательного процесса, процесса познания человеком окружающего его бытия, то, наверное, можно согласиться с тем, что так называемые кризисные периоды – не более чем закономерные стадии его (познания) развития. Естественно, они должны время от времени случаться и в такой форме познания, какой является наука. Почему же мы, психологи, так много и так часто говорим о кризисе? Ведь в современной науке под вопросом оказались предмет и метод не только психологии, но и естествознания. Соответственно возникает вопрос: не является ли кризис в психологии проявлением общего кризиса современной науки?

Сам по себе факт калькирования естественнаучной методологии, конечно, не может рассматриваться в качестве причины возникновения научной психологии. Причиной рождения того или иного артефакта может быть только его способность удовлетворять тем или иным потребностям человека. И наука не является в этом смысле исключением. В обыденном сознании за естествознанием признается статус “настоящей науки” именно потому, что оно предоставляет в распоряжение людей большое количество так называемых “полезных” открытий. Машины, химические удобрения, генетические преобразования и т.п. – вот то, что служит основанием для признания обыденным сознанием за той или иной формой познания статуса науки. Не будь в распоряжении человека двигателя внутреннего сгорания, компьютера и других нужных предметов, наука как институт, поддерживаемый государством, была бы “закрыта”. Подтверждением безусловной “истинности” научных исследований и оправданием существования естествознания стали многочисленные практические достижения.

Л.С. Выготский сравнивал психологию с тяжелобольным, в организм которого попал инородный предмет и вызвал воспаление [6]. Советский психолог говорил, что наша наука не сможет преодолеть кризис, в котором она оказалась, пока не преодолеет барьер между теорией и практикой. Он оспаривал одно из основных объяснений психологического кризиса, состоявшее в том, что психологи разошлись в интерпретации предмета психологической науки, поэтому возникли многочисленные психологические школы, слабо связанные между собой. Создатель культурно-исторической теории утверждал, что причина кризиса – отсутствие единой методологии. Отечественная психология всегда была насыщена теоретическими разработками. Часто это вызывало раздражение и критику: говорили, что подобная направленность мешала прикладным разработ-

кам, которые якобы активно внедряются в других странах. Насколько психологическая практика способна облегчить жизнь людей – такой вопрос считается нескромным. Отвечая на него, можно случайно прийти к выводу о крайней неэффективности подобной практики.

Есть ли у научной психологии что-то “прикладное”, чем она может похвастаться так же, как, например, физика или биология? Чуть ли не единственный психолог, которому в общественном сознании отводится роль “настоящего ученого” – З. Фрейд, создавший свою известную технологию (с ним мог бы посоревноваться И.П. Павлов, если бы право на него – с полным на то основанием – не оспаривал комплекс биологических наук). Однако психологи лучше других знают, насколько эфемерными являются практические достижения психотерапевтической практики по сравнению с достижениями естествознания. Сегодня можно было бы повторить слова Л.С. Выготского, высказанные почти столетие назад: достижения практической психологии близки к нулю.

Повторим еще раз: такая оценка правомерна, только если мы пытаемся “замерить” “удельный вес полезности” научного открытия и определить, каково “количество” усилий научного сообщества, приходящихся на одного человека. В этом случае практическая значимость психологии, конечно, малозаметна. Действительно, вряд ли сегодня (впрочем, как и сто лет назад, и ранее) можно утверждать, что психология приносит обществу какой-то существенный доход (если вообще его приносит). Даже “королева прикладной психологии” – психотерапия, раздираемая внутренними противоречиями (о чем говорит огромное количество – сотни и тысячи – так называемых терапевтических школ: число, пожалуй, соизмеримое с количеством самих психотерапевтов), вряд ли может похвастаться какими-то “экономическими” успехами. Если таковые и встречаются, то лишь в формате “тактических достижений”, не выходя на уровень “стратегической науки”, которая должна изучать “...будущее человека, точнее – дальний внешний круг его проблем” [25, с. 19].

Для понимания этого стоит обратиться к феномену многослойности сознания<sup>1</sup>. По-видимому, сознание человека имеет наряду с прочими и та-

<sup>1</sup> В контексте нашей статьи нет возможности подробно анализировать это явление. Поэтому в качестве пунктира, обозначающего этапы его изучения, назовем философию Дж. Локка, интроспекционизм конца XIX в., исследования Л.С. Выготского и Ж. Пиаже в первой половине XX в. Пример современного исследования – работа Е.В. Субботского [26].

кую свою составляющую, как обыденность. Нам еще предстоит разобраться во всех хитросплетениях преобразования психологии по образу и подобию естествознания. Но существенную роль здесь сыграл “фактор массовости” – естественно-научные открытия приводили к возникновению артефактов, применяемых огромным количеством пользователей, в то время как психологическая эффективность всегда была связана с совершенствованием отдельного человека. Сопоставление кризисных явлений в психологии и естествознании приводит нас к выводу: главным признаком кризисного состояния науки является не та или иная интерпретация предмета и метода того или иного научного направления, а неспособность предоставить в распоряжение потенциальных потребителей “полезные” открытия.

К середине XIX столетия психология, не имевшая в силу известных причин подобного “прикладного значения”, оказалась в состоянии ressentiment<sup>2</sup> и переживала вследствие этого определенный комплекс неполноценности. Вполне естественным кажется шаг, предпринятый нашими старшими коллегами, которые, преодолевая общепсихологический комплекс, обратили свои взоры в сторону столь уважаемого института, каковым являлось (и является) естествознание. Абсолютно логичным в этой ситуации выглядит копирование и “имплантация в организм” психологии главного естественнонаучного метода – эксперимента. Менее логичной, но тоже понятной выглядит попытка подменить предмет своего исследования, апофеозом чего явились бихевиористские изыскания. Безусловно, намерения наших предшественников были самыми благими, однако даже самые благие намерения не всегда приводят к ожидаемому результату.

Психология, которую историки традиционно относят к первому этапу ее становления (а именно развивающаяся в русле философско-антропологических размышлений), “была исцелением человеческого духа и существования, т.е. экзистенциальной, а не просто логикой, как она с классических немцев по сию пору” [7, с. 319], и также могла бы представить свои вполне определенные практические результаты. Здесь можно было бы назвать и античные практико-ориентированные философские концепции (см. [5]), связанные с проблематикой “заботы о себе” [27], и

хорошо известные сегодня восточные практики, и христианский аскетизм (см. [28]). Это, наконец, философия Кьеркегора, Ницше и др., в которой ощущается исцеляющий “ожог от реальности” [18].

Однако “прикладное значение” науки о человеческом духе отличалось от того “прикладного значения”, которое естествоиспытатели провозгласили в качестве своего основного достижения, критерия своей истинности. Если философская антропология была направлена на усовершенствование внутреннего мира человека, то естествознание оказалось в ситуации, когда критерием его “прикладного значения” стало создание новых чувственно-воспринимаемых вещей (приборов, технических приспособлений), которые экономили физическую энергию человека<sup>3</sup>.

Таким образом, с точки зрения обыденного сознания, состояние психологии стоит признать кризисным. Если рассматривать развитие психологии с точки зрения ее “прикладного значения”, то нынешнее состояние нашей науки следует считать даже не кризисом и не схизисом, а стагнацией. Но в том-то и дело, что живой организм науки развивается не по законам здравого смысла. Хотим мы того или нет, получает человечество “продукт” или не получает, познание развивается по своим собственным законам. С этой точки зрения находит свое объяснение тот факт, что, несмотря на кризисные явления в физике, сообщество естествоиспытателей не спешит посыпать себе голову пеплом и громогласно привлекать внимание научного сообщества к кризису естествознания: неиссякаемый поток “полезных” открытий не дает для этого никаких оснований.

\* \* \*

Согласимся с теми, кто считает, что непременным условием дальнейшего развития психологии является ее интеграция с так называемыми естественными науками. Именно этот процесс был начат психологами полтора столетия назад. Однако подобная интеграция не должна завершиться поглощением психологии естествознанием.

<sup>3</sup> Эта линия развития науки послужила основой для многих философских направлений XIX в. Не стал исключением и марксизм, в основу которого была положена идея экономического освобождения человека, проинтерпретированного в терминах физически затраченных сил. Хотя надо помнить, что основатели диалектического материализма, разумеется, не сводили сущность человека к физической энергии. Однако тяготение к позитивизму, внутренне присущее диалектическому материализму, оказало влияние на дальнейшее развитие этой теории и процесс ее интерпретации многими исследователями, называвшими себя марксистами.

<sup>2</sup> «Ресентимент (от франц. *ressentiment*) – окрашенное недоброжелательством переживание прошлых обид, унижений или оскорблений, мстительная злопамятность, “затаенная обида” (М. Вебер), вторичная и отравленная эмоция, источающая яд» [5, с. 614].

Наоборот, вместо того, чтобы безоговорочно принимать представления естествоиспытателей, психология обязана поставить перед естествознанием проблему преобразования ее предмета в соответствии с закономерностями внутреннего мира человека, исследующего природу. Но для этого мы должны признать, что современная психология начинает переходить к новой общенаучной парадигме, где она наконец оправдывает надежды А.Н. Леонтьева, называвшего ее наукой XXI в., и тех науковедов, которые отводили психологии в своих классификациях центральную позицию (Ж. Пиаже, Б.М. Кедров). Отличительным признаком современной психологии становится ее центральное положение в ситуации построения человечеством новой картины мира.

Мы постепенно подходим к тому, что предмет исследования в психологии понимается как целостное, а значит, конкретное образование, но не в результате истолкования его структуры, составленной из выделенных нами его простейших элементов. Научное сообщество благодаря философскому осмыслению новых открытий постепенно приходит к тому, что классические естественнонаучные методы не позволяют исследовать целостный предмет. Традиционные методы естествознания, без критического переосмысления используемые психологами, дают возможность лишь вычлениить некоторые аспекты исследуемого предмета, но не изучать его как целостный феномен, охватываемый тем или иным методом классического естествознания. Необходимость исследования внечувственных составляющих предполагает переориентацию науки от чувственно-экспериментальной парадигмы к герменевтико-феноменологической методологии исследования предмета. Данная методология и ее конкретные приложения позволяют производить оценку эмпирических данных (получаемых в том числе при помощи традиционных методов психологии: эксперимента, тестов, интроспекции и т.д. и т.п.) с точки зрения возможности проникновения в закрытые для чувственного восприятия сферы предметного пространства. Возможно, герменевтическая и экзистенциально-феноменологическая методология, все чаще используемая в работе современных психологов, станет той базой, на которой состоится преобразование не только психологической, но и общенаучной ментальности.

Сегодня мы находимся в состоянии перехода к новому восприятию картины мира. Этот переход невозможен без переосмысления наших представлений о той неуловимой реальности, которую принято называть предметом психологии. Если это и кризис психологической науки, то именно

такой, вслед за которым наступит качественный скачок в переосмыслении предметного пространства науки. Кажется, современным психологам повезло: нам посчастливилось стать современниками психологического кризиса развития науки. Нам остается “всего лишь” помочь человечеству найти выход из этого кризиса.

Разумеется, далеко не все представители научного сообщества согласятся сегодня с изложенными нами “интегративными” идеями. Тем не менее, на наш взгляд, обозначенные тенденции, несомненно, набирают силу и без объединения усилий гуманитариев и естествоиспытателей; научные изыскания обречены на движение по замкнутому (отнюдь не герменевтическому) кругу. Впрочем, подобный исход немислим, поскольку познание развивается не по законам обыденного сознания, а по своим собственным.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* XXI век: психология в век психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М.: Смысл, 1999. С. 332–349.
2. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. М.: Издательство политической литературы, 1991.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
4. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука. М.: Смысл, 2006. Т. 1, 2.
5. *Визгин В.П.* На пути к Другому. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл-Эксмо, 2003.
7. *Гачев Г.Д.* Гуманитарный комментарий к физике и химии. М.: Логос, 2003.
8. *Гейзенберг В.* Физика и философия. М.: Наука, 1989.
9. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. М.: Че-Ро, 1998.
10. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
11. *Ждан А.Н.* История психологии. М.: Педагогическое общество России, 2003.
12. *Зинченко В.П.* Предисловие // Ф.Е. Василюк. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1985.
13. *Капра Ф.* Дао физики. Киев: София, 2004.
14. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
15. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

16. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии. XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 65–103.
17. Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Т. 1. Ярославль, 2003. С. 205–237.
18. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004.
19. Морозов С.М. Диалектика Выготского. М.: Смысл, 2002.
20. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Экзистенциальная психология. М.: Эксмо, 2001. С. 106–140.
21. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
22. Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
23. Радзиховский Л.А. О практической деятельности в области психологии // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 123–127.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
25. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / Под ред. А.И. Юрьева. СПб.: Логос, 2006.
26. Субботский Е.В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
27. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.
28. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991.
29. Юревич А.В. “Методологический либерализм” и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. Т. 1. С. 349–357.

## ON SO-CALLED MODERN CRISIS IN PSYCHOLOGY

**S. M. Morozov**

*PhD, professor, MCPPU, Moscow City Psychological and Pedagogical University, Moscow*

The author of the article examined the tendency, which was typical for scientific community of the second half of XIX c. in interpretation of psychology, when psychologists made an attempt to transform the science according to methodological principles of classical natural science. Psychology from the science the goal of which was to create the conditions for personality self-development became to turn into the brunch of natural science the goal of which was “economical efficiency” as an indicator of man’s vital activity efficiency increasing. As the result psychology of the XX-th c., as well as natural science in whole, found itself in crisis the way out of which was integration of humanitarian and natural-science notions about subject and method on the basis of methodological principles, caused by humanitarian (in the first place, psychological) researches.

*Key words:* psychology, natural science, subject, method, science, crisis, paradigm.